

Петлюченко Н. В.
(м.Одесса)

ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ПРИЗЫВНОСТЬ В НЕМЕЦКОМ И УКРАИНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСАХ

Аннотация. Статья посвящена дискурсивному исследованию феномена политической харизмы путем контрастивного анализа средств апеллативности современных политических фигур Германии и Украины – Йошки Фишера, Герхарда Шредера, Ангелы Меркель, Виктора Ющенко, Виктора Януковича, Юлии Тимошенко. Выявлены контрастивные черты вербальной, просодической и кинетической апеллативности публичных фигур в двух лингвокультурах, которые определяются как *homo charismaticus* и формируют в период кризиса отдельный харизматический субдискурс в рамках политического дискурса.

Ключевые слова: политическая харизма, *homo charismaticus*, политический дискурс, призывность, лингвокультура, контрастивный, вербальный, просодический, кинетический.

Явление харизмы издавна было областью интересов гуманитарных исследований, а именно богословия, философии, социологии, психологии и др. Так, богословы указывали на божественные, благодатные (духовные и моральные) свойства харизмы (А. Л. Катанский, R. Sohm, J. Daujat, E. Kähler, H. Barth, G. Andenna, A. Biernath; философы акцентировали внимание на иррациональных (J. Ortega y Gasset, R. Guenon, J. Evola), первоначально инстинктивных (E. Canetti), свободных от социальных детерминант (H. Marcuse, T. Adorno), пассионарных (Л. Н. Гумилёв) проявлениях этого феномена; социологи и историки устанавливали характеристики харизмы политического лидера (М. Вебер, Ж. Блондель, С. Н. Зинев, И. И. Кравченко, Н. В. Фрейк, F. W. Stallberg, J. Weiß, A. Zingerle, M. Lenze, M. Günther), выделяли ее врожденный и приобретенный признаки (Л. С. Выготский, Е. В. Сидоренко, G. Le Bon, S. Freud, E. Fromm, D. Goleman, R. Gries, J. Häusermann). В настоящее время антропологи связывают харизму с популярностью, шармом, привлекательностью, флюидностью личности (А. В. Олескин, А. И. Сосланд, T. Dombrowski, С. Koppetsch, M. Lenze), которые можно использовать в пир-технологиях для создания харизматического имиджа публичной личности (Н. А. Гульбинский, Ф. Н. Ильясов, Е. С. Сорокина, Г. Г. Почепцов,

К. Bredemeier, N. Enkelmann), в частности лидера-женщины (С. П. Перегудов, В. И. Попов, А. Поссе, В. Файзильберг).

Лингвистика исходит из того, что харизматический лидер как носитель языка обнаруживает себя и свою субъектность через общение – коммуникативно-общественную деятельность, которая невозможна без языка и речи. Речь человека довольно полно отражает его внутренний мир и, таким образом, становится источником знаний о его личности (Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. Н. Шахнарович, Е. Г. Задворная, В. В. Красных, С. А. Сухих). Поэтому фокусирование лингвистических исследований на личности политика как *Homo loquens*, который достигает власти и удерживает ее разными, в том числе языковыми, средствами, – важный шаг на пути изучения речевой деятельности публичной личности (В. И. Карасик, П. Г. Крючкова, М. В. Ляпон, С. И. Потапенко), ее комплексного отображения в формате дискурс-портретов (Л. П. Крысин, Р. К. Потапова, И. Ф. Ухванова-Шмыгова, В. Д. Черняк). Включение паравербальных и экстралингвальных составляющих в круг лингвистических исследований дискурса политика как носителя языка расширяет понятие языковой личности и требует введения понятия *коммуникативной*, или *дискурсивной личности* (В. И. Карасик, А. Н. Баранов, Л. В. Солощук), которая действует в континуальном дискурсивном пространстве и использует вместе с языковым кодом другие семиотические коды в зависимости от специфики общения. Имеющиеся исследования дискурсивных практик политических лидеров, таких как Антонио Салазар, Бенито Муссолини, Франциско Франко (P. Danler), Адольф Гитлер (С. Schnauber, J. Kopperschmidt, D. Laak), Уго Чавес (A. Bolívar), Герхард Шредер, Гельмут Коль (Т. В. Юдина), определенных в истории и социологии как харизматические, сегодня не дают ответа на вопрос о способах их речевого воздействия в контексте политической харизмы. Кроме того, указанные исследования не учитывали специфики устного модуса дискурса, который дает возможность наиболее полно раскрыть механизмы вербального и паравербального влияния харизматика как языковой личности.

Политик осуществляет свое влияние посредством *апеллятивного дискурса*, основным функциональным содержанием которого, согласно органон-модели Карла Бюлера, является призывность, хортаторность (англ. *hortatory*, *hortatory speech* [Edelman 1990]). Это проявляется в регулировании поведения адресата через побуждение его к действиям или их запрету, к ответу или реагированию на вопрос или сообщению информации с целью корректировки деятельностных стратегий адресата. В рамках апеллятивного дискурса выделяют такие разновидности языковой призывности: активация (побуждение к действию, призыв, приказ, девиз), интердикция (запрет) и дестабилизация (несогласованность, нарушение деятельности), а также инспирация (воодушевление) и суггестивность (внушение), которые приобретают максимальную эффективность в сфере идеологического воздействия, направленного на агитацию и пропаганду (К. Brinker, Н. Б. Мечковская, О. И. Шейгал).

Общая антропоцентрическая направленность современных гуманитарных исследований на комплексное изучение личностных черт говорящего в плоскости дискурса определяет **актуальность** проведенного исследования. Фокусирование анализа на дискурсивных характеристиках политика, связанных с лексико-синтаксическими особенностями его/ее речевых реализаций, лингвокогнитивными механизмами восприятия и интерпретации действительности и мотивационными установками, определяет интегративный характер работы, которая основывается на достижениях дискурсологии (дискурсивная личность политического лидера), социологии и социолингвистики (феномен политической харизмы) и контрастивно-лингвистических исследований (сопоставление апеллятивных дискурсов неблизкородственных языков), подчёркивая ее актуальность. **Объектом** исследования является феномен политической харизмы в его дискурсивном представлении. **Предметом** исследования выступают общие и отличительные особенности харизматических личностей — политических лидеров Германии и Украины — в аспекте сопоставления их апеллятивных дискурсов. **Цель** исследования состоит в определении вербальной и паравербальной (просодической и кинетической) специфики устных апеллятивных дискурсов харизматических личностей современных политических лидеров Германии и Украины путем установлении дискурсивных контрастов на фоне общих проявлений апеллятивности. Поставленная цель предусматривает необходимость решения следующих **задач**: (1) определить научный статус феномена харизмы в гуманитарных исследованиях в религиозно-философском, социально-политическом,

психологическом, гендерном и культурологическом аспектах, (2) разработать основы лингвистического исследования языковой личности политического лидера как *Homo Charismaticus*, (3) классифицировать вербальные и паравербальные (просодические и кинетические) средства харизматической апелляции политических лидеров в немецкоязычной и украиноязычной лингвокультурах; (4) установить контрасты харизматических дискурсов немецких и украинских политических лидеров на фоне общего признака — апеллятивности. Корпус **материала исследования** сформирован из 300 выступлений трех немецких политиков — Йошки Фишера, Герхарда Шредера, Ангелы Меркель (1998-2008 г.г.) и 210 выступлений трех украинских политиков — Виктора Ющенко, Виктора Януковича, Юлии Тимошенко (2004-2007 г.г.) общим объемом звучания 25 часов.

Рассмотрев научный статус феномена харизмы в гуманитарных исследованиях, а именно: религиозно-философских, социально-политических, психологических, гендерных и культурологических, — сделан общий вывод об отсутствии единого подхода, который мог бы дать категориальное определение этому феномену. В целом, выделяют две основных разновидности харизмы: социально детерминированная *политическая* харизма, которая основана на исключительных лидерских свойствах политика на переломных этапах развития общества, а также *личностная* харизма, которая связана с привлекательностью человека и присутствия почти с рождения (нем. *Ursprungsharisma*) как публично известным фигурам (кинозвездам, футбольным кумирам и др.), так и человеку вообще. Из указанных разновидностей харизмы для исследования была выбрана именно *политическая харизма* как идеально-типичное понятие (нем. *Idealtyp*), основанное на теориях иррационального (харизматического) лидерства Макса Вебера, кризисного лидерства Жана Блонделя, а также теории резонансного (эмоционального) лидерства Даниеля Гоулмана и используемое преимущественно в социологии и истории для классификации разных типов господства.

Для понимания процесса харизматизации политического лидера нами была разработана **модель харизматической коммуникации**, основу которой, по Макс Веберу, представляет приписывание (нем. *Zuschreibung*) лидеру народом харизматических признаков. Основными этапами преобразования политического лидера на харизматизированного являются: (1) отправление нехаризматизированным лидером послания народу, (2) воздействие послания через аргументы и призывы, (3) овладение народом аргументами и призывами послания, (4) совпадение отправленного

содержания с ожидаемым, (5) воодушевление народа, (6) осуществление совместных действий на высоком эмоциональном единении (харизматический экстаз), (7) приписывание лидеру харизматических качеств.

Условием успешного процесса харизматической коммуникации является *воодушевленное состояние* политического лидера, источниками чего служат его/ее страстная убежденность в правильности содеянных действий, вера в высокие идеи, осознание себя способным на осуществление изменений в масштабах страны или мира, а также историчность, эпохальность политической ситуации. Указанный мотивационный блок настраивает лидера и аудиторию на общую эмоциональную волну, вследствие чего возникает резкий всплеск эмоций у всех участников коммуникации, т.е. *харизматический экстаз*, своеобразный *unio mystica* (мистическое единение с Богом). В этот момент между лидером и народом исчезают субъектно-объектные отношения, лидер не отделяет себя от народа, а народ ассоциирует себя с образом лидера и приписывает ему все свойства, которыми тот, по мнению аудитории, наделен или которые у него/неё должны быть. В дальнейшем политический лидер воспринимается как харизматический, и все его/ее следующие послания (обращения) к народу будут восприниматься как харизматические.

Таким образом, мы определяем *политическую харизму* как психоэмоциональное состояние *воодушевления*, которое может находить своё выражение в речи и жестах политика. Просодические и кинетические проявления приподнятой речи политического лидера как паравербальные эквиваленты харизмы могут быть *услышанными* и *увиденными*, а следовательно, они могут измеряться в соответствующих просодических и кинетических параметрах.

Гипотеза проведенного исследования основывается на выделении *апеллятивной доминанты* в дискурсе харизматического политического лидера. Согласно учению Макса Вебера о разных типах господства, харизматический политический лидер в период кризисной или революционной ситуации отказывается от рациональных установок и осуществляет эмоциональное речевое воздействие, основой которого является состояние максимального воодушевления, подъема, запала. В таком состоянии харизматический лидер способен сам вдохновляться великими идеями и вдохновлять ими других. Кризисность политической ситуации порождает повышенную апеллятивность, воодушевленную окрашенность обращений говорящего лидера к народу. Именно в «кризисных» выступлениях политиков ведущим становится

макропрагматический коммуникативный акт *призыва*, а их речь приобретает ярко выраженный апеллятивный характер.

Согласно выдвинутой гипотезе, доминантным признаком дискурса харизматического политического лидера является *апеллятивность*, или его апеллятивная функция, которая в других работах дефинируется как директивная (Э. В. Комлева, E. Rolf), регулятивная (Е. И. Шейгал, W. Heinemann), персуазивная (K. Bochmann, E. Große, H. Grünert), прескриптивная (G. Klaus), сигнальная, апеллятивная (К. Бюлер), «язык команд» (W. Holly), пропагандистская (W. Bergsdorf), агитационная (P. T. Новичкова, G. Strauß), активизирующая (H. Hodl), конативная (P. Якобсон) или призывная (A. V. Isačenko). Наряду с признаком апеллятивности для исследования дискурсов харизматических политиков в работу включено понятие хортаторного языка (*hortatory language*), которое, по М. Эдельману, используется для обращения, призыва к широкой общественности и вербализует такие понятия, как мир, безопасность, процветание, демократия и др. В этом контексте признак хортаторный (хортативный) имеет значение «убедительный», «увещательный», «проникновенный» (Oxford English Dictionary) и синонимизируется с термином *апеллятивный*.

При контрастивном исследовании апеллятивных дискурсов ХПЛ Германии и Украины мы исходим из специфики западных индивидуалистских и славянского общинного типов мышления, опираясь на процедуру идентификации личностей в каждой из лингвокультур. Учитывается то, что в идеализированном образе ХПЛ отражается, прежде всего, коллективное сознание общества, каждая конкретная политическая ситуация заставляет народ искать своего политического идола. Так, для немецкого менталитета характерным является восприятие выдающихся лидеров своей страны, прежде всего, в контексте конкретной исторической ситуации и той роли, которую они в ней сыграли. Этим определяются такие мифологемы немецких политических харизматов, как «воплощение нации», «равный Германии» — Г. Гагерн, «железный Канцлер», «строитель рейха» — О. Фон Бисмарк, «успокоительный фактор для Германии в послевоенные годы», «памятник своего времени» — К. Аденауэр, «канцлер-объединитель» — Г. Коль (F. Möller, Ch. Jansen, E. Wolfrum). Для украинского менталитета, в свою очередь, характерна склонность к превращению человека в легендарную личность, национального героя, символ национальной украинской идеи. Это в определенной мере отражают такие мифологемы, как «выдающийся сын», «большой ученый»,

«патриот» — в отношении М. Грушевского, «легендарная личность», «революционер-бунтарь» — о Н. Махно, «отважный борец за независимую республику» — о С. Петлюре, «прирожденный вождь», «символ украинской национальной идеи» — в отношении В. Черновола (П. А. Аршинов, В. Волковинский).

Вербальные средства *общей апеллятивности* определяются мотивационно- прагматическим уровнем (Ю. Н. Караулов) дискурсивной личности политического лидера. К ним относим *эксплицитные* средства: (1) перформативы, (2) императивы, императивные конструкции, (3) конструкции с модальными глаголами, (4) инфинитивы, короткие предложения, слоганы. К средствам *имплицитного* апеллирования принадлежат (5) вопросительные предложения, (6) утвердительные предложения, (7) формы будущего времени, (8) цитация или квазичитация, (9) мелиоративно окрашенные слова с ценностной семантикой. Указанные средства связаны, прежде всего, с синтаксической структурой призыва (за исключением цитаций и слов с ценностной семантикой) и являются универсальными персуазивными средствами формирования политического дискурса.

Собственно *харизматическая апеллятивность* транслируется слушателю/зрителю в виде косвенных имплицитных смыслов, которые эксплицируются в речи соответствующими лексическими маркерами и группируются по определенной тематике. Такие смыслы определяются далее как *апеллятивные харизматические смыслы*, имеющие выразительный индивидуальный характер и определяющиеся прежде всего спецификой национально-культурного кода языковой личности харизматического лидера, в нашем исследовании как представителя Германии или Украины. К *апеллятивным харизматическим смыслам* принадлежат косвенные обращения к (1) Богу, (2) народу, нации, (3) историческим авторитетам, (4) вере-убеждению, (5) единству, (6) решению актуальных вопросов времени, а также таким темам, как (7) пророчество, предсказание будущего развития страны, (8) требование самопожертвования и самоотречения со стороны приверженцев, (9) создание ауры сопротивления, злости, гнева и презрения к миру врагов, (10) выбор в качестве цели действия объединяющего, а не разъединяющего начала, (11) непоколебимое убеждение в том, что оратор (лидер) — единственно верная фигура в нужном месте и в нужное время. Вербальные средства общей апеллятивности как носители харизматических апеллятивных смыслов используются политическим лидером для реализации его/ее *харизматических апеллятивных тактик* (Е. Г. Верещагин, Р. Ратмайр, Т. Ройтер,

С. А. Сухих, Т. Е. Янко) и представляют основу формирования дискурс-портретов современных ХПЛ Германии и Украины с учётом исторических, социальных и индивидуальных традиций каждой лингвокультуры.

Паравербальная специфика апеллятивного дискурса ХПЛ связана с *состоянием харизматического воодушевления*, которое проявляется в повышенной физической активности, улыбчивости, увлеченности, радостном настроении, а также определяется склонностью политика к театральности. Признаки харизматического воодушевления в *речи* политического лидера проявляются в возбуждении, выраженном преимущественно усилением речевой активности, заключающейся в ускорении или удлинении периодов звучания речи и сопровождающейся грамматической бессвязностью. *Голосовыми* маркерами воодушевления являются звонкость, звучность, модулирование, возможный переход на фальцет и вопль, реже приглушенность. Харизматическое воодушевление в *жестикеляции* обнаруживает себя проявлениями двигательного экстатического возбуждения, неестественными, чрезмерными движениями, жестами, мимикой, позами, выражающими состояние экстаза, восторга.

Для сопоставления паравербальных признаков харизматического воодушевления в апеллятивных дискурсах немецких и украинских политиков введены понятия просодической и кинетической интенсивности. *Просодическая интенсивность* (Л. К. Цеплитис, А. S. Vregman, Ch. Lehmann) связана с *резким изменением* (ростом или падением) акустических параметров (продолжительность, ЧОТ, интенсивность) речевого сигнала в восторженном призыве по сравнению с нейтральной интенсивностью. Просодическая интенсивность воодушевленной харизматической апеллятивности сопоставляется по следующим признакам: 1) ускорение темпа речи (эффект «темпорального сжатия») на пиковых участках апеллятивной волны; 2) увеличение частотного диапазона (эффект «тонального скачка») с начала выступления до его завершения; 3) увеличение показателей динамического диапазона (амплитуды) с начала выступления до его завершения. Одновременное увеличение показателей частотного и динамического диапазонов высказывания воспринимается слушателем как энергетический «выплеск» харизмы. *Кинетическая интенсивность* (А. Kendon, С. Müller) определяется *усиленным участием* движения правой руки при паравербальном оформлении призыва и сопоставляется по таким признакам: 1) импульсивный характер движения руки; 2) направление движения руки к публике и вверх; 3) положение руки выше линии

плеча и 4) конфигурация кисти руки в виде кулака или сжатой ладони с выпрямленным указательным пальцем.

Исследуя контрастивную специфику харизматических апеллятивных тактик политического лидера в двух лингвокультурах, в историческом аспекте сделан акцент на тех чертах языковых личностей политиков, которые связаны с исходным трактованием харизмы как религиозного феномена. Религиозность харизматического лидера, взаимосвязь всех его поступков и помыслов с волей Божьей, согласно концепциям Р. Генона, А. Шопенгауера, Ф. Ницше, определяется ролью харизматического вождя как посредника между реальным и высшим мирами, эвгемера, который наделяется божественными и/или идеализированными качествами.

Значительное количество апелляций к имени Господа находим в политических обращениях немецких исторических харизматических лидеров, таких как Вильгельм Второй, Пауль фон Гинденбург, Вилли Брандт, Гельмут Коль. В эпохальный момент падения Берлинской стены и объединения Германии Гельмут Коль и Вилли Брандт просят благословения Господа для своей единой немецкой родины, например: *Gott segne unser deutsches Vaterland!* и выражают Ему свою благодарность за возможность пережить этот исторический момент, например: *Jetzt erleben wir, und ich bin dem Herrgott dankbar dafür, daß ich dies miterleben darf, daß die Teile Europas zusammenwachsen!* Сегодня современные немецкие политические лидеры практически не используют в своих апеллятивных тактиках обращений к имени Господа Бога. В исследуемом материале был выявлен лишь косвенный призыв к Господу в таких языковых клише-вставках, как *weiß Gott* (Бог знает), *Gott sei Dank* (слава Богу), например, в дискурсе Й. Фишера.

Отличительной особенностью славянской харизматики, наоборот, является подчеркивание политическим лидером связи всех своих дел и помыслов с именем Господа, с Господом Богом. Свое обращение к Нему В. Ющенко часто эксплицирует в виде мольбы, молитвы, просьбы, например: *Як і ви, у ці дні я молю Бога за Україну. Я прошу Його послати нам усім мудрість і силу, щоб протистояти неправді, яку сіє між нас нинішня влада; Ви підкоряєтесь одній заповіді: боронь Боже, щоб ти з сусідами лаявся!* Ю. Тимошенко и В. Янукович в меньшей степени демонстрируют свою религиозность, чем В. Ющенко, однако призывы к Господу Богу также активно включены в их харизматические апеллятивные тактики.

Предполагается, что харизматический лидер, владея прямой связью с Богом, может прямо

обращаться к Нему и получать от Него дары пророчества, предвидения. Именно пророчествами, предсказаниями будущего страны окрашена призывность харизматика. Пророчество, предсказание, которые по религиозным представлениям являются Божественным откровением, харизматический лидер адресует отдельным людям или группе людей — своим сторонникам, народу, нации, всему человечеству. В речи современных политических харизматических лидеров мы не находим таких эксплицированных перформативов, как *я пророкую, я завбачаю, я провіщаю, я бачу й оголошую наперед майбутнє* и др. Вместо этого политик в подобном контексте чаще всего использует такие перформативы, как *ich weiss, ich glaube, ich verstehe, ich sehe, ich bin in der Lage / я знаю, я вважаю, я розумію, я присягаю, я спроможний* и прочие, а также придаёт перспективный характер своим аргументам и призывам.

Важным является то, что в апеллятивном дискурсе немецких ХПЛ отсутствует тональность пророчества, предсказания особого предназначения Германии, так называемого «немецкого пути», упоминание о котором, как известно, имеет отрицательные исторические ассоциации. Поэтому А. Меркель, Й. Фишер, Г. Шредер, безусловно, учитывают этот момент в своих апеллятивных тактиках. Темы будущего Германии, перспектив европейской интеграции в новых геополитических условиях находятся в сфере интересов Й. Фишера, однако свое перспективное видение он демонстрирует в форме прогноза, а не пророчества, например: *Bedenken Sie, dass die Entscheidung, ob diese Regierung das Vertrauen bekommt, eine Entscheidung über die Zukunft dieses Landes ist!* Последнее в большей степени присуще таким украинским политикам, как Ю. Тимошенко и В. Ющенко, например: *Знайте: наступного дня наша країна стане іншою. Ваша воля відкриє перед кожним із нас нові шляхи, а перед Україною нове і, я переконаний, велике майбутнє! На іншій дорозі — свобода, повага до людської гідності, повага до влади. Бо ту владу вже ніхто не буде боятися — її будуть поважати. Достаток і справедливість у кожному домі. Це — наше майбутнє. Майбутнє моєї нації!*

В основе апеллятивных тактик харизматического политического лидера лежит его постоянная взаимосвязь со своим народом, со своей нацией. Харизматические лидеры обеих стран декларируют свою устремлённость к решению проблем единства народа, единства наций, как немецкой, так и украинской, поскольку решение такой проблемы для Германии и Украины было исторически обусловлено существованием в них двух

и более политически самостоятельных частей. Экспликация этой разновидности харизматического призыва в немецком апеллятивном дискурсе реализуется через такие лексические маркеры (слова, словосочетание), как *Deutschland und das deutsche Volk* (Германия и немецкий народ), *ein einzig Volk von Brüdern* (единый народ братьев), *das gesamte deutsche Volk* (весь немецкий народ), *vor dem Erwachen der Nation* (перед пробуждением наций), *die deutsche Nation* (немецкая нация), *nationale Interessen* (национальные интересы), в украинском — *єдиний народ, єдиний український народ, пуповина народу нашого, рахунок народу, душа нашого народу, унікальна нація, українська нація, мудра нація, наш народ і наша нація/моя нація, мій народ* и др.

В харизматических апеллятивных тактиках немецких и украинских политических лидеров главным является использование фактора единства. Как правило, речь идет о единстве в принятии решений, единстве внутринациональных и международных интересов, а также об общности целей, выборе объединяющего начала общих действий. Эксплицитными маркерами призыва в дискурсе немецких политиков в этом случае выступают лексические маркеры *alle* (все), *einig* (единый), *Einheit*, *Einigkeit* (единство), *gemeinsam*, *zusammen* (вместе), *wir* (мы), *unser* (наш), в дискурсах украинских политиков — *єдність, єдиний, об'єднання, солідарність, разом, спільно, консолідація, ми, наша* и др.

Современные немецкие харизматические политические лидеры обращаются за поддержкой и апеллируют к таким *историческим авторитетам*, как Конрад Аденауэр, Вилли Брандт, Гельмут Коль и др., т.е. к политическим лидерам, к числу которых они сами принадлежат. Таким образом, подчеркивается единство, общность политических мотивов и целеустановок настоящей политической борьбы в Германии с традициями ведения политической борьбы в прошлом. Современные украинские харизматические политические лидеры, в свою очередь, также обращаются к украинским историческим политическим авторитетам, таким как Богдан Хмельницкий, Симон Петлюра, Михаил Грушевский, однако для современных украинских ХПЛ более важным является обращение к наследию великих духовных лидеров Украины, писателей, культурных деятелей, таких как Тарас Шевченко, Леся Украинка, Григорий Сковорода, Владимир Винниченко и др.

В дискурсе харизматических политических лидеров довольно активно используются призывы к решению *вопросов времени (Fragen der Zeit)*. Насущность решения этих вопросов немецкий харизматик обыгрывает в терминах необходимости,

которая маркируется в его/ее апеллятивных тактиках такими фразовыми клише, как *die Zeit ist gekommen* (пришло время), *der Zeitpunkt (der Moment) ist gekommen* (пришел момент), *es ist Zeit*, *die Zeit ist reif*, *es ist an der Zeit* (пора, пришло время), *es wird/wurde höchste Zeit* (уже давно пора). Например, у Й. Фишера: ***Es ist Zeit, eine erste Bilanz zu ziehen!*** Украинский харизматик оперирует такими клише, как *прийшов час, приходиться колись період часу, найближчим часом, прийде час, час (працювати, захищати Україну), це той час, коли*. Например, у В. Януковича: ***Ми зробимо все, щоб найближчим часом ми знайшли знову ж таки порозуміння і об'єдналися заради вирішення багатьох проблемних питань!***

В своём призыве к решению срочных задач времени харизматический лидер активно обыгрывает также ситуацию последнего шанса: он, харизматический лидер, никогда не потеряет его и всегда использует для достижения поставленной цели. Лексема *Chance/шанс* используется немецкими харизматическими лидерами в таких словосочетаниях, как *eine einmalige Chance* (один шанс), *die große Chance* (большой шанс), *eine historische Chance* (исторический шанс), *wieder die Chance haben* (снова иметь шанс), *eine neue Chance bekommen* (получить новый шанс), *eine Chance ergreifen* (воспользоваться шансом), например, Г. Шредер: ***Wir alle wdren nicht gut beraten, wenn wir diese Chance nicht ergreifen würden!*** Для украинских политиков «шанс» окрашен эсхатологическими тонами: *останній шанс, свій історичний шанс, вибороти останній шанс, це єдиний шанс*. Например, В. Ющенко: ***Я використав свій історичний шанс. У нашій спільній перемозі є і моя особиста заслуга я виборця, як громадянина України!***

Требование *самоотречения* себя и своих сторонников и *самопожертвования* в апеллятивном дискурсе политического лидера связано с тем, что харизма проявляется, прежде всего, в аскезе, в готовности к самопожертвованию ради достижения великой цели. В этом усматриваются *телеологические* установки лидера, который признает за всем сущим логическую целесообразность, приписывает естественному окружению цель, переносит на нее способность к целеполаганию, что присуще лишь человеческой деятельности. Призывы к самопожертвованию в дискурсе немецких политиков идентифицируются через лексические маркеры *Opfer* (жертва), *enorme Opfer* (большие жертвы), *Opfer an Gut und Blut* (человеческие жертвы), *Opfer bringen* (приносить в жертву), *zum Opfer fallen* (пасть жертвой), *Opfer auffordern* (вызвать жертву), *opfern, sich aufopfern* (отдавать себя в жертву). Например,

у Г. Шредера: *Entscheidende Maßnahmen hat die Bundesregierung bereits ergriffen – auch wenn alle dabei Opfer bringen mussten!* В дискурсах українських політиків – *віддавати себе в жертву, жертвувати собою, вимагати жертв, принести в жертву, упасти жертвою, великі жертви* и др.

Харизматический лидер четко определяет круг своих сторонников и неприятелей, идеологических врагов. Для харизматика не существует средних, промежуточных отношений, когда он создает имплицитную ауру сопротивления, злобы, гнева против «мира врагов». Как правило, такая разновидность харизматических смыслов эксплицируется в дискурсах немецких и украинских лидеров через лексические маркеры *Feind* (враг), *Gegner* (неприятель), *Opposition* (оппозиция), *dem Feind Widerstand leisten, widerstehen* (противостоять врагу), *gegen Feinde kämpfen* (бороться против врагов), *Bedrohung* (угроза), *in der Opposition sein* (быть в оппозиции). Например, у Ю. Тимошенко: *Ми з вами маємо одну місію, наше з вами покоління, – це не дати пройти ворогу України!*

Сопоставление вербальных средств апеллятивности позволило определить контрастные черты лингвальной организации апеллятивного дискурса немецких и украинских харизматических политических лидеров. Апеллятивной дискурсивной универсалией харизматического политического лидера в обеих лингвокультурах выступают вербальные средства общей апеллятивности. Отношения контраста обнаруживаются в харизматических апеллятивных тактиках, отражающих историческую, социальную, национально-культурную и индивидуальную специфику ХПЛ в каждой лингвокультуре. Проведенный контрастный анализ харизматических апеллятивных тактик свидетельствует об относительном доминировании рациональных установок в дискурсе немецких ХПЛ, за исключением небольшого уклона к пророческим элементам. В апеллятивном дискурсе украинских харизматических политических лидеров, наоборот, доминируют духовные установки, которые определяются связью лидера с Богом, верой и являются ключевыми в украинской культурной среде.

Результаты проведенного исследования дают возможность обозначить перспективы дальнейшего контрастного изучения апеллятивной доминанты харизмы в разных лингвокультурах и разных типах дискурса (религиозном, академическом, актерском и т.п.). Изучение харизмы сквозь призму дискурсивных характеристик *Homo Charismaticus* будет оказывать содействие интеграции результатов лингвистических исследований в другие гуманитарные (социологию, политологию, психологию личности) и прикладные науки (синтез и распознавание речи, экспертные системы для анализа харизмы публичных лиц, лингвистическое моделирование дискурсов и т.п.).

Литература

1. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Жан Блондель ; пер. с англ. — М. : Прогресс, 1992. — 135 с.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Г. И. Богин ; Ленингр. гос. ун-т. — Л., 1984. — 45 с.
3. Бредемайер К. Искусство словесной атаки : Практическое руководство / Карстен Бредемайер. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. — 178 с.
4. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка : пер. с нем. / К. Бюлер ; общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной, вступ. ст. Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. — М. : Прогресс, 1993. — 528 с.
5. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / Макс Вебер // сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. — М. : Прогресс, 1990. — 808 с.
6. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. — М.-Л., 2-25 октября 1979. — Депонировано ВИНТИ. — N 3734—79 Деп. — Вып. 2: Пассионарность. — 10 авт. л.
7. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс : история и современные исследования. — М., 2002. — № 3. — С. 32-43.
8. Зинев С. Н. Харизматическая личность: идентификация и манифестация в трансформирующемся мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Сергей Николаевич Зинев ; Ставроп. гос. ун-т. — Ставрополь, 2005. — 29 с.
9. Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В. И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков. Человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной ; Ин-т языкознания РАН. — М. : Азбуковник, 2003. — С. 24-45.
10. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 264 с.
11. Кэ де Ври М. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта : пер. с англ. / Манфред Кэ де Ври. — М. : Альпина, 2003. — 311 с.
12. Паулсен Т. Б. Харизматическая пропаганда как инструмент манипулирования обществом (история и современность) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Татьяна Борисовна Паулсен ; Росс. ун-т. дружбы нар. — М., 2002. — 17 с.
13. Петлюченко Н. В. Харизматика : мовна особистість і дискурс : монографія / Н. В. Петлюченко. — Одеса : Астропринт, 2009. — 464 с.
14. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Речевой портрет политического лидера : Новые подходы в рамках дискурсисследований / И. Ф. Ухванова—Шмыгова // *Respectus philologicus*. — 2002. — № 1. — С. 24-40.
15. Шахнарович А. М. Языковая личность и языковая способность / А. М. Шахнарович // *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность*. — М. : Изд-во РАН, 1995. — С. 260-276.
16. Шевченко І. С. Три источника и три составные части теории дискурса / І. С. Шевченко // *Записки з романо-германської філології* : зб. наук. пр. фак. ром.-герм. філології ОНУ ім. І. І. Мечникова. — Одеса, 2008. — Вып. 20. — С. 126-140.
17. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. — 326 с.
18. Энкельманн Н. Харизма. Личностные качества как средства достижения успеха в профессиональной и личной жизни : пер. с нем. / Энкельманн Н. — М. : АО «Интерэксперт», 2000. — 272 с.

19. Andenna G. Charisma und religiöse Gemeinschaften im Mittelalter : Akten des 3. Internationalen Kongresses des «Italienisch–deutschen Zentrums für Vergleichende Ordensgeschichte» / Giancarlo Andenna. – Münster : Lit, 2005. – 495 S.
20. Biernath A. Missverständene Gleichheit: die Frau in der frühen Kirche zwischen Charisma und Amt / Andrea Biernath. – Stuttgart : Steiner, 2005. – 179 S.
21. Bolívar A. Dialogue and confrontation in Venezuelan political interaction/ Adriana Bolívar // Applied Linguistics in Latin America. – Vol.18. – P.3-17.
22. Danler P. Valenz und diskursive Strategien. Die politische Rede in der Romania zwischen 1938-1945: Franco – Mussolini – Pétain – Salazar / Paul Danler. – Tübingen: Günter Narr Verlag, 2007. – 352 S.
23. Edelman M. J. Politik als Ritual: die symbolische Funktion staatlicher Institutionen und politischen Handelns / Murray J. Edelman. – Frankfurt : Campus-Verlag, 1990. – 202 S.
24. Gries R. Kultur der Propaganda. «Herausforderungen. Historisch-politische Analysen» / Rainer Gries, Wolfgang Schmale (Hrsg.). – Bochum : Verlag Dr. Dieter Winkler, 2005. – Bd. 16. – 355 S.
25. Häusermann J. Inszeniertes Charisma: Medien und Persönlichkeit / Jürg Häusermann (Hg.) – Tübingen : Niemeyer, 2001. – 160 S.
26. Kopperschmidt J. Hitler der Redner / Josef Kopperschmidt . – München : Fink, 2003. – 502 S.
27. Koppetsch C. Körper und Status: zur Soziologie der Attraktivität / Cornelia Koppetsch. – Konstanz : UVK, Univ.-Verl. Konstanz, 2000. – 295 S.
28. Laak von Dirk, van. Adolf Hitler / Von Dirk van Laak // Charismatische Führer der deutschen Nation. – München : R. Oldenburg Verlag, 2004. – S. 149-171.
29. Lenze M. Postmodernes Charisma : Marken und Stars statt Religion und Vernunft / Malte Lenze. – 1. Aufl. – Wiesbaden : Dt. Univ.-Verl., 2002. – X, 217 S.
30. Schnauber C. Ausdrucksphonetische Untersuchungen von Rhythmus und Melodik an Hitlers Rede zum Ermächtigungsgesetz / Cornelius Schnauber. – Hamburg : Lüdke bei der Uni, 1969. – 129 S.
31. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie / Max Weber. – Paderborn : Voltmedia, 2006. – 1311 S.
32. Wolfrum E. Konrad Adenauer: Politik und Vertrauen / Edgar Wolfrum // Charismatische Führer der deutschen Nation. – München : R. Oldenburg Verlag, 2004. – S. 171-193.

Петлюченко Н. В. Харизматична закличність в німецькому та українському політичному дискурсах. – Стаття.

Анотація. Стаття присвячена дослідженню явища політичної харизми шляхом контрастивного аналізу засобів апелюваності сучасних політичних фігур Німеччини й України – Йошки Фішера, Герхарда Шредера, Ангели Меркель, Віктора Ющенка, Віктора Януковича і Юлії Тимошенко. Встановлено контрастивні риси вербальної, просодичної та кінетичної апелюваності публічних фігур двох лінгвокультур, які визначаються як homo charismaticus і формують у кризовий період окремий харизматичний субдискурс у межах політичного дискурсу.

Ключові слова: політична харизма, політичний дискурс, закличність, лінгвокультура, контрастивний, вербальний, просодичний, кінетичний.

Petlyuchenko N. Charismatic Appeal in German and Ukrainian Political Discourse. – Article.

Summary. This article focuses on a research into the political charisma phenomenon by means of contrastive analysis of appellative instruments used by contemporary German and Ukrainian political figures, namely: Joschka Fischer, Gerhard Schroeder, Angela Merkel, Viktor Yushchenko, Viktor Yanukovich, and Yulia Tymoshenko. It reveals contrastive features of verbal, prosodic and kinetic appellativity of public figures representing two different language cultures. In the period of social crisis such political figures are defined as homo charismaticus and forming a charismatic sub-discourse within the framework of political discourse.

Key words: political charisma, political discourse, appeal, language culture, contrastive, verbal, prosodic, kinetic.